

ГЛАВА 13. ТЕНИ ЗАСТАВЫ ЯНЬМЭНЬ

После отъезда Лю Цинье Чоу Муи остался в полном одиночестве. Хотя внешне он старался не подавать виду, Цуй Инлун кожей чувствовал висевшее вокруг ученика тяжелое напряжение. Наставник прекрасно понимал эти чувства: братья провели бок о бок больше десяти лет, не расставаясь дольше чем на пару дней. Теперь же Лю Цинье отправился в столицу, откуда вряд ли скоро вернется, и Чоу Муи имел полное право на долю меланхолии.

Однако со временем Цуй Инлуна это начало откровенно утомлять. Видеть изо дня в день ледяную маску на лице ученика и терпеть его немногословность стало выше человеческих сил — у наставника даже аппетит пропал. Пытаться утешить Муи было бесполезно: парень отличался редким упрямством, и пока он сам не решит «выйти на свет», никакие слова не помогут.

В конце концов Цуй Инлун решил, что им обоим пойдет на пользу смена обстановки. За все эти годы самым дальним местом, где бывал Чоу Муи, был Кайфэн. К тому же пришло время навестить старого друга.

Приняв решение, Цуй Инлун отправился на поиски ученика. Тот, как и ожидалось, тренировался. Когда Чоу Муи замер, острое его копье застыло в считанных вершках от груди учителя.

— Ах ты, негодник! Нарочно, что ли? — Цуй Инлун ладонью отвел копье в сторону, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Учитель твой из кожи вон лезет, заботится о тебе, а ты вот как со мной?

Чоу Муи убрал копье на стойку и обернулся:

— Вы сами позвали меня, наставник. Я просто не успел остановиться.

Цуй Инлун сжал кулаки и невольно дернул губой. «Терпи, Цуй, терпи», — уговаривал он себя. С годами этот сорванец становился всё менее покладистым. Каким милым ребенком он был, когда Цуй Инлун только привел его в горы! Послушный, тихий, само очарование. Но стоило появиться второму ученику, как характер старшего испортился окончательно: он набрался хитрости, а язык его стал острее бритвы.

Не выдержав, Цуй Инлун ринулся в атаку. Учитель и ученик схватились в учебном бою, обмениваясь ударами добрых полчаса. Оба работали вполсилы — если бы Лю Цинье видел эту «битву», ему стало бы стыдно называть их своими учителем и братом.

Наконец, когда оба запыхались, Цуй Инлун остановился.

— Собирайся. Завтра спускаемся с горы.

— Зачем? — коротко бросил Чоу Муи.

— Да можно хоть каплю уважения к старику?! Хватит заставлять меня гадать, что у тебя на уме!

— Учителю всего сорок пять, — парировал Чоу Муи. — Пожалуй, мне стоит подыскать вам еще одного ученика. Чтобы было кому присматривать за «неможным» старцем.

Цуй Инлун, чей разум за годы общения с язвительными учениками закалился как сталь, проглотил обиду. Он сменил в лице семь цветов радуги, прежде чем он вернул себе самообладание.

— Я собираюсь навестить старого друга подле заставы Яньмэнь. Собери вещи, ты идешь со мной.

Бросив на Муи сердитый взгляд, наставник удалился. Ему нужно было унять сердце, которое, казалось, не выдерживало таких диалогов. Чоу Муи, конечно, понимал, что учитель беспокоится о нем. Несмотря на колючие слова, на душе у него потеплело. Раз наставник придумал такой повод, чтобы развеять его печаль, глупо было бы отказываться. В конце концов, мир не сошелся клином на одном человеке, а Лю Цинье в столице наверняка чувствует себя как рыба в воде. Внезапно поддавшись порыву, Чоу Муи отправился паковать вещи.

Дорога заняла всего несколько дней — их гора находилась не так уж далеко от границы. Прибыв на место, они встретились с Ли Линьи. Чоу Муи этот человек показался весьма любопытным. Если Цуй Инлун был мастером воинских искусств, но слаб в стратегии, то Ли Линьи, напротив, обладал блестящим аналитическим умом и глубокими познаниями в военном деле. При этом он не был сухим буквоедом.

Один жаждал учить, другой — учиться. Они сошлись мгновенно. Цуй Инлун, понимая, что для Муи это бесценная возможность, великодушно «одолжил» ученика старому другу, радуясь, что тот нашел себе достойного преемника. Пока они обсуждали тактические маневры, Цуй Инлун, которому это было неинтересно, уходил гулять в окрестностях.

На седьмой день наставник вернулся с дурными вестями.

Ляосцы перешли к активным действиям. В горах Яньмэнь начались столкновения. Правительство Сун, не имея иного выхода, отправило маршала Ян Е во главе Армии семьи Ян на защиту заставы. Вместе с ним прибыли и четверо его сыновей: Ян Яньпин, Ян Яньдин, Ян Яньань и Ян Яньдэ. Шестой и Седьмой братья остались дома из-за юного возраста.

Сообщая это Муи, Цуй Инлун специально отвел его подальше от Ли Линьи — он знал, что

ученик не хочет раскрывать тайну своего происхождения. Чоу Муи выслушал новость молча. В отличие от детских лет, он не впал в ярость и не побледнел. Он вел себя так, будто ничего не произошло, и это пугало Цуй Инлуна еще сильнее.

Наставник решил не спускать с него глаз, опасаясь, как бы Муи не совершил в порыве чувств нечто такое, о чем позже будет жалеть. К тому же обстановка на границе накалялась, и нельзя было допустить, чтобы с семьей Ян что-то случилось.

Вскоре Цуй Инлун обнаружил ученика на вершине холма — тот в одиночестве разыгрывал шахматную партию против самого себя. Заметив учителя, Муи жестом пригласил его сесть напротив. Он зажал между пальцами белую кость, но не спешил делать ход, лишь легонько постукивал ею по краю доски.

— Наставник боится, что я сорвусь?

— Я беспокоюсь, — честно ответил Цуй Инлун. — Боюсь, что ты загонишь себя в тупик, из которого нет выхода.

Чоу Муи на мгновение замер.

— Не волнуйтесь. Я не стану пороть горячку. Я не желаю их видеть — одна мысль об этом пробуждает во мне гнев. Но так даже лучше. Пусть все верят, что Ян Сылан мертв. Я — Чоу Муи, и у меня нет ничего общего с поместьем Тяньбо. Семья Ян — опора империи Сун, и сейчас судьба Заставы Яньмэнь в их руках. Наши счеты — это личная вражда, и я не настолько глуп, чтобы ставить свои обиды выше судеб страны. Когда я выплачу свой долг, мы станем окончательно чужими людьми.

Хотя в сердце Цуй Инлуна всё еще шевелилась тревога, слова ученика его успокоили. Муи пообещал не мешать общему делу, и требовать большего было бы жестоко — наставник как никто другой знал, через какую боль и горечь пришлось пройти этому юноше.

Их убежище на холме находилось на территории Сун, скрытое от глаз врага, но высота позволяла видеть стены заставы Яньмэнь как на ладони. Однажды утром, после завтрака, они заметили нечто странное: город казался абсолютно пустым, в то время как многотысячная армия ляосцев уже стояла под самыми стенами.

Цуй Инлун нахмурился.

— Что там происходит? Стены пусты. Неужели они отступили за одну ночь? Но это же важнейший проход! Сдать его — значит впустить врага в самое сердце империи. Ян Е не мог пойти на такое.

Ли Линъи лишь усмехнулся:

— Цуй, куда ты девал свои книги по тактике? Хорошо, что Муи учился стратегии не у тебя, иначе ты бы его погубил. Вспомни знаменитую стратегию «пустого города».

Наставник опешил.

— Ян Е что, с ума сошел? Елюй Се — это не осторожный Сыма И. Он не станет терзаться сомнениями и не отступит просто так.

— С ума сошел не Ян Е, а ты, — не унимался Ли Линъи. — Я живу здесь годами и видел сотни стычек Армии семьи Ян с киданями. Ты действительно думаешь, что Ян Е станет так глупо рисковать? И куда, по-твоему, делись все его солдаты? Подумай головой.

Цуй Инлун прикусил язык, чувствуя, как теряет лицо перед учеником, но спорить не решился.

Время шло. Елюй Се не был глупцом. Несмотря на молодость, он заслужил пост главнокомандующего острым умом и хитростью. Видя пустые стены, он не спешил входить в город, заподозрив ловушку. Однако его подчиненные — люди степей, привыкшие к стремительным набегам, — начали терять терпение. Вспыльчивость была их второй натурой. Когда разведка доложила, что в городе находятся только Ян Е и четверо его сыновей, ляосцы взревели. Елюй Се отправил в город авангард для разведки боем.

Едва кидани вошли в ворота, как тишина взорвалась. Город, казавшийся мертвым, ожил смертоносным металлом. Ловушки и скрытые механизмы, заранее подготовленные Ян Е, начали косить захватчиков одного за другим. Следом за стрелами и кольями в бой вступили сами отец и сыновья Ян. Авангард ляосцев был полностью уничтожен.

Цуй Инлун, наблюдавший за этим с вершины, не удержался от похвалы:

— Ян Е воистину велик! Впятером истребить целый авангард... Пусть даже с помощью ловушек, это подвиг, достойный песен.

Он покосился на Муи, но тот смотрел на город, не мигая, впитывая каждую деталь сражения.

— Это только начало, — заметил Ли Линъи. — Самое интересное впереди.

Разъяренный потерей авангарда, Елюй Се приказал своим лучшим воинам принести ему головы Ян Е и его сыновей. В город хлынули новые волны ляосцев. Командующий вторым отрядом, обладавший звериным чутьем, не расслаблялся. Вид растерзанных тел соплеменников служил ему суровым напоминанием: Ян Е нельзя недооценивать, даже если их всего пятеро.

В тесных переулках завязалась яростная схватка. Техника копья семьи Ян не знала равных — даже в меньшинстве они не уступали врагу ни пяди земли.

Внезапно тяжелые ворота заставы распахнулись. Елюй Се застыл, не веря собственным глазам. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Его доверенный офицер, командовавший отрядом, был связан и жалок. С понурой головой его вывели под конвоем Ян Е и его сыновей.

Пятеро всадников семьи Ян выехали из ворот, ведя за собой пленного, и замерли напротив многотысячного войска Ляо. Позор ляосцев был абсолютным. Елюй Се едва не захлебнулся яростью — Ян Е в очередной раз доказал, почему его прозвали «Непобедимым».

<http://bllate.org/book/17388/1694781>